

Свердловское региональное отделение
Союза театральных деятелей Российской Федерации
(Всероссийское театральное общество)
Министерство культуры Свердловской области
Управление культуры Администрации г. Екатеринбурга
Ассоциация театров Урала
Объединение заводов «Финпромко»

XXXIV СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОНКУРС ТЕАТРАЛЬНЫХ РАБОТ

ФЕСТИВАЛЬ

25 МАЯ 2014
ЕКАТЕРИНБУРГ

Браво! 2013

Фестивальная газета
Выпуск 5

Фестиваль как повод для встречи

Надежда Александровна Таршис (г. Санкт-Петербург) — член жюри фестиваля «Браво!»-2013, кандидат искусствоведения, профессор кафедры русского театра СПГАТИ, театральный критик.

В последний раз я была на «Браво!» лет четырнадцать назад, а вообще, часто бываю на региональных фестивалях. Могу сказать, что города отличаются большей или меньшей театральностью. Екатеринбург — безусловно, театральный город.

Здесь есть уже отдельные благоухающие «грядки»: например, театр Николая Коляды, который столько лет возделывал свой сад и сейчас получил новое здание. Спектакль «Мертвые души» еще должен «врасти» в эти стены, так же,

как и эта дивная инсталляция. Она еще пока не родная этим стенам, но она будет родная — здание ее примет.

Точно такой же благоухающий сад в Екатеринбурге — это танцевальные театры. Нечего даже рассказывать, что значит для этого города как классическая, так и современная хореография. Музыкально-танцевальный акцент «Браво!» этого года — очевиден. С драмой в этом году все не столь активно, но, все-таки, спектакли, которые мы увидели, тоже были очень интересными. Каждый сезон не может быть одинаково интенсивным по всем фронтам, и, вполне возможно, что следующий год будет более плодотворным именно для драматических театров. В масштабе десятилетия соотношение все равно выравнивается.

Пышно расцветает куст современной драматургии. Например, даже если я лично не прихожу в восторг от спектакля «Сатори» как драмы, то все равно понимаю, что это должно существовать как явление. У этого спектакля есть свои сильные стороны.

Интересный акцент фестиваля — спектакль «Пиноккио» в Театре кукол. Итальянская труппа многое дала екатеринбургским артистам в плане культуры работы в маске, это видно. Этот спектакль действительно производит

сильное впечатление. Совершенно чудесный спектакль — «Старшая сестра» студентов ЕГТИ IV курса специализации «Артист драматического театра и кино». Замечательные ребята и хорошо поставленный спектакль, очень театрально, крепко сделано.

«Браво!» — фестиваль с большой традицией и он организован очень хорошо. Даже не знаю, что тут можно пожелать? Только дальнейшей хорошей «жатвы». Бывает, приезжаешь в какой-нибудь город и во всех интервью говоришь: «Дорогие — ну, например, — хабаровчане! Будьте достойны своего театра, у вас очень хороший театр!» Потому что хочется, чтобы больше народу знало об этом. А здесь не так, здесь очень театральная публика, которая свои театры знает.

Для меня Екатеринбург — город детства, сейчас приехала и встретила очень много старых знакомых, так что переживания и впечатления от приезда очень сильные и радостные!

Марина Евгеньевна Корнакова (г. Санкт-Петербург) — член жюри фестиваля «Браво!»-2013, театральный критик, директор-распорядитель Российской Национальной премии и фестиваля театрального искусства для детей «Арлекин».

В жюри фестиваля «Браво!» я уже в третий раз: бываю с промежутком примерно в четыре года. Могу сказать, что афиша «Браво!» любого года — это объективный срез ситуации в театральной сфере Свердловской области.

На мой взгляд, в этом году наиболее сильны танцевальные спектакли, немного бледнее картина с драматическими. Возможно, в следующем году ситуация изменится. Трудно что-то предсказывать: четыре года назад, когда я была здесь, ничего не говорило о том подъеме, который сейчас переживает Екатеринбургский театр оперы и балета. Несмотря на то, что в его спектаклях, увиденных нами, участвует много приглашенных солистов, общий уровень самого театра стал очень высоким. Для меня его вершинным достижением является «Летучий голландец». Я видела несколько постановок этой оперы и здесь впервые воплощена такая вытнная музыкальная концепция. Это, несомненно, веха в истории этого театра, опять же, повторю, несмотря на участие приглашенных солистов: в этот

раз мы посмотрели спектакль с участием Алексея Тихомирова (Москва) и Ирины Риндзунер (Нью-Йорк). Настолько вытнтно донесено действие на уровне музыкальных и сценических деталей через всех артистов, что для меня спектакль стал самой большой радостью.

В Екатеринбурге любят ставить новые произведения — это, например, «Яма» Свердловского театра музыкальной комедии. Смелый шаг — пригласить Нину Чусову, драматического режиссера, для постановки мюзикла. Тем более, что здесь есть признанный в России «король» этого жанра — главный режиссер театра Кирилл Стрежнев. Свердловская музкомедия, можно сказать, его авторский театр и то, что он доверил поставить здесь спектакль режиссеру с очень ярким (и радикально другим!) почерком, — это определенная смелость. Когда театр не боится рисковать, когда он щедр и смел — это признак хорошего состояния, подъема этого театра.

Порадовала постановка «Пинокио» Екатеринбургского театра кукол, в которой сделано много интересных находок. О теме смерти нужно говорить с детьми, причем, чем раньше, тем лучше, не стоит этого бояться. На мой взгляд, удивительно тонко и чисто говорить о любви, жизни и смерти даже с самыми маленькими зрителями получается у детских театров в Дании, постановки которых мы хотим пригласить для участия во внеконкурсной программе фестиваля «Арлекин» на будущий год. Датский детский театр — самый сильный и самый разнообразный в мире. Возможно, это обусловлено щедрой поддержкой властей: там артист театра для детей — это очень престижная и высокооплачиваемая профессия. В датских театральных ВУЗах эта специализация является базовой для всех студентов: они обязаны пройти эти часы, а потом уже могут выбрать что-то еще.

«Арлекин» отличается от «Браво!» по формату. Это — всероссийский фестиваль постановок для детей. Обычно приходит около семидесяти заявок, среди которых высококомпетентный совет из ведущих российских экспертов отбирает лучшие спектакли сезона. Нет никакой квоты на жанры: бывает так, что в афише несколько мюзиклов, а бывает, что участвуют одни драматические спектакли. Исходим исключительно из качества постановок, художественных достоинств. Обычно это 7-8 конкурсных спектаклей и примерно столько же внеконкурсных, плюс — большая специальная программа. Например, лаборатория «Молодые режиссеры детям»: нам очень важно, чтобы молодых режиссеров увидели руководители региональных театров. Устраиваются различные встречи с психологами, с лучшими педагогами, проблемные круглые столы. Два года подряд мы проводим круглый стол «Театр равных возможностей», посвященный проблеме включенности детей с ограниченными возможностями в театральных процесс: обсуждается театр для них и театр с их участием.

Подготовила Евгения Плясунова

Еще больше информации о фестивале — на официальном портале Свердловского отделения СТД РФ domaktera.ru

«Театр — истинный храм искусства»

Удивительно, как почти из ничего может родиться нечто... Как немного порой требуется, чтобы создать подлинный спектакль: небольшое помещение (которое сложно даже назвать зрительным залом и сценой), минимум декораций, практически полное отсутствие светового оформления. Так происходит тогда, когда за дело берется Талант. Пример тому — Екатерина Царегородцева (доцент кафедры мастерства актера) и выпускники¹ Екатеринбургского государственного театрального института специализации «Артист драматического театра и кино», подарившие публике пьесу «Старшая сестра» А. Володина. Спектакль, в котором столько неподдельной мудрости и искрометных шуток. Спектакль, в котором «возносят, ниспровергают, философствуют...»

Екатерина, почему Вы выбрали для работы именно пьесу А. Володина? Не потому ли, что сквозь нее красной нитью проходит тема любви к театру?

Екатерина Царегородцева: Я, пожалуй, не смогу сказать наверняка, почему конкретно Володин, почему именно сейчас... Просто есть багаж пьес, которые ты вынашиваешь на протяжении многих лет. Когда-то ты их узнал, прочел, и кто знает, когда и почему из закоулков твоей памяти всплывает определенное произведение и требует выхода наружу, требует своего воплощения. Объяснить этого я пока не могу. Скажу лишь, что пьеса Володина таилась во мне давно, жила своей жизнью. И, видимо, совпали время, желание, силы, студенты, которые могли бы осуществить задуманное, в результате чего появилась уверенность, что этот спектакль нужен нам сегодня...

Как Вы думаете, почему спектакль так резонирует с сегодняшним днем, ведь в нем столько примет советского времени (первомайское приветствие, «счастье — в труде», «семья — главная ячейка нашего общества», учетчица, стройуправление...)?

Сцена из спектакля «Старшая сестра» студентов ЕГТИ IV курса специализации «Артист драматического театра и кино»

Екатерина Царегородцева: Наверно, потому, что в нем говорится о вечных ценностях, о вечных вопросах бытия, которые остаются неизменными в любое время. Любовь, надежда, верность, искренность... «Ум женщины — это скромность», «Любовью оскорбить нельзя», «Давать людям радость — разве это может быть стыдно?!», «Мы не будем жить по-вашему никогда», «Стыдно быть несчастливым»... Слава Богу, что мы можем об этом говорить словами Володина, пьесой Володина. И, кстати, не только Володина: в спектакле немало цитат из мировой литературы: «На свете счастья нет, но есть покой и воля» — строки из стихотворения Пушкина «Пора, мой друг, пора»; отрывок из романа «Война и мир» Толстого; «Люблю грозу в начале мая» Тютчева и др. И очень ценно, что за кажущейся простотой (простые люди, простые ситуации) вдруг возникает такая глубина и открывается целый пласт безвозвратно уходящего времени. Ведь Володин и о себе писал: «Я — как уходящий объект, как снег в марте, который растает и всё...»

Легко ли было работать с ребятами?

Екатерина Царегородцева: Со студентами почти всегда работать легко, потому что их взращиваешь с первого курса. Но есть вещи, которые они, в силу своего возраста и отсутствия большого человеческого опыта, все же не смогут понять. Поэтому то, насколько сегодня они понимают материал, насколько глубоко они в него погружены на данном этапе, вы и увидели. Возможно, через год мы сыграли бы это совсем по-другому.

Елена, в спектакле Вы читаете монолог: «Любите ли вы театр так,

Мастер курса Екатерина Царегородцева

как я люблю его? То есть всеми силами души вашей...?». Когда Вы поняли, что театр для Вас — многое, если не сказать, что — всё?

Елена Цыбульская (в спектакле исполняет одну из главных ролей — Надежду Резаеву — ред.): Наверно, когда я сюда пришла, я этого не понимала или, точнее, понимала на ином уровне. И даже в начале работы над спектаклем многое для меня по-прежнему оставалось закрытым, непознанным. Сейчас же я остро ощущаю, что театр — это нечто прекрасное, чему хочется посвятить целую жизнь...

Вас отделяет от зрителей буквально меньше шага — сложно ли играть на таком расстоянии?

Елена Цыбульская: Все зависит от зрителя. Когда приходят, скажем, школьники, которые зачастую могут многого не понимать, отвлекать — это одно. Если же ты чувствуешь, что в зале взрослый, умный зритель — это совершенно другое. С такой публикой легко, поскольку находишься с ней в одном эмоциональном ключе, в одной плоскости восприятия...

¹ Е. Цыбульская, А. Хотенов, Р. Ефимов, А. Гудкова, П. Поздеев, А. Болдырев, Ю. Копылова, А. Полуян, П. Филиппов и др.

Екатерина Царегородцева: Что поразило сегодня — как только в начале спектакля зазвучала гитара П. Тодоровского, я услышала в зрительном зале голос: «Гитара Тодоровского!». Обычно требуются пояснения, что в спектакле будет звучать голос самого автора, гитара его друга Петра Тодоровского (при этом мало кто понимает, кто такой Тодоровский)...

Елена, какие знания, полученные от Вашего педагога — руководителя курса, пронесете через свою жизнь?

Елена Цыбульская: Много: например, сейчас я имею четкое представление о дисциплине, своих минусах (что немаловажно!). Я учусь принимать критику, как бы это ни было сложно.

Я рада, что училась именно у этого педагога, ставшего во многом наставником, рада, что могу что-то сказать о себе.

Какие перспективы в профессиональном плане?

Елена Цыбульская: Хочется в хороший театр с хорошим режиссером!

Екатерина Царегородцева: Не так давно мы были в Ярославле на Молодежном фестивале «Будущее театральной России» со спектаклем «Леди Макбет Мценского уезда». Присутствовавший на фестивале режиссер из Ростова-на-Дону пригласил нескольких ребят в свой театр. Вообще же времени на то, чтобы ездить с показом, катастрофически не хватает. На

днях мы вернулись из Москвы, до того были в Тюмени, Набережных Челнах, Новосибирске. Пришлось даже разделиться на группы, чтобы успеть охватить разные фестивали. Я думаю, что летом этот вопрос разрешится.

Елена Цыбульская: В любом случае, все не так плохо, мы посылаем резюме, нам отвечают...

Екатерина Царегородцева: Главное, что велико в них это желание — работать именно в театре. А если есть мотивация, значит, все непременно получится!

Подготовила Яна Ферран

Танцевать. Находить.

«Провинциальные танцы» представили на фестивале сразу две работы: «Забывать любить» (реж. Й. Гребен, У. Ивги, Нидерланды) и «...and Red» (танц-компания «Fine 5», Эстония). О связи современной хореографии и театра мы поговорили с одним из танцовщиков труппы — Романом Бородиным

Как вы оказались в «Провинциальных танцах»?

Любой человек, который осознанно занимается современным танцем, понимает, что расти возможно, только работая в профессиональной труппе. В России такие коллективы можно по пальцам пересчитать, поэтому, когда два года назад я узнал о кастинге в «Провинциальные танцы», то сразу приехал. Даже и думать было нечего.

Как вы начали заниматься современным танцем?

По образованию я драматический артист, одним из первых наших предметов в академии был сценический танец. Мне очень понравилось танцевать, но уже на втором курсе занятий двух раз в неделю стало не хватать, и я «на стороне» нашел коллектив современной хореографии. Я пропадал на танцевальных репетициях и доучивался абы как, меня даже сняли с ролей в дипломных спектаклях. После выпуска был очень тяжелый период: образование одно, а хочется заниматься другим... Я танцевал во Франции, в Питере и, наконец, оказался здесь. И, что мне нравится, «Провинциальные танцы» — именно театр. В репертуаре очень много контрастных постановок, широчайший диапазон для актера. Помимо хореографов и драматические режиссеры приезжают: Владимир Панков поставил «Сказку», скоро будет проект с инженерным театром «АХЕ».

А вы разделяете театр и танец?

Нет. В истории произошел какой-то странный сдвиг, когда драматический театр стали мыслить отдельно от танца. Наверное, это произошло, когда начал формироваться балет, и танец стали ассоциировать именно с балетом, который, на самом деле, очень мало общего имеет с театром. Балет — мертвая форма.

А для меня, танец и театр — это одно. Самое главное на сцене — актер и действие. Есть много драматических спектаклей, построенных на пластике. Корифеи теории театра говорят, что режиссер, прежде всего, должен уметь мыслить пластически. Если он берет пьесу и не может поставить ее без слов, то и со словами ничего не получится. Это очень старое правило, и Мейерхольд, и Станиславский о нем говорили.

Актер начинает изучать свое тело с простой ходьбы. Учится распределять вес, ищет баланс и равновесие. Для танцовщика это тоже ключевые моменты. Многие принципы воспитания танцовщиков современной хореографии совпадают с театральными принципами. Аутентичность, импровизация, импульсы — куча приемов взята из театра. Когда я начал заниматься танцем, то сразу увидел эти общие точки. Читаешь что-то по современной хореографии и по театру, и создается ощущение, что один человек писал!

В драматическом театре, если тебе дали роль, ты должен понять, ради чего ты выходишь на сцену. Сверхзадачи, сквозные действия, перспектива роли — ты должен все это понимать. Некоторые хореографы не могут объяснить свою идею, но у них есть ощущение. И если танцовщики могут понять их, принять и передать, то это тот же театр, только с другими выразительными средствами. Иногда и объяснения не нужны. Просто сами движения так построены, что от них рождается история. Для меня было важным поворотным моментом, ког-

да я понял, что можно работать не только от внутреннего к внешнему, но и от внешнего к внутреннему.

«Забить любить» ставили голландцы, а «...and Red» — коллектив «Fine 5» из Эстонии, есть ли в их школах какие-то отличия?

Метод работы голландцев более телесный. А «Fine 5» более чувствены, для них важно проживание на сцене определенных ощущений. Но оба коллектива — представители европейской хореографии, и они дают много свободы и возможности трактовать. В «...and Red» есть моменты импровизации, которая была сделана, отсмотрена и закреплена в период репетиций. А есть кусок, который мы каждый раз во время спектакля пыта-

емся спонтанно танцевать, имея над собой только режиссерскую задачу.

Нужно сказать, что «Забить любить» делали два месяца, а эстонцы работали всего две недели. Поэтому их трудно сравнивать, условия работы Рене и Тины (Рене Ныммик и Тийна Оллеск, хореографы «Fine 5» — ред.) были гораздо жестче. Если бы у них было больше времени, то мы бы работали через поиск ощущений и определенных состояний. Но, так как время было ограничено, Рене давал движение и говорил: «Делайте, как чувствуете». Все делали... Иногда это расходилось по форме, но идея сохранялась одна.

Зрители в Екатеринбурге понимают современную хореографию?

В целом, мне кажется, да. Хотя, например, выступая в Музкомедии, мы

наткнулись на стену непонимания. Там зрители не были готовы.

На самом деле, меня этот вопрос мало волнует. У нас залы зачастую далеко не битком набиты. Порой мы выходим на сцену, и я краем глаза замечаю, что занято всего пару рядов. Но меня воспитывали по старой театральной школе и учили, что нужно играть, даже если в зале два человека. И наш инструктор по йоге говорит, что если хотя бы один человек для себя что-то открыл и как-то изменился, то это уже результат. Ради этого мы и работаем. Ведь даже когда ходят многие, находят далеко не все.

Подготовила Инна Афанасьева

Гости из будущего

Организатор и танцовщица компании «2046» Алена Гладкова о данс-спектакле для детей «Алиса»

Алена, расскажите о вашем коллективе!

Танцевальная компания «2046» образовалась в 2008 году. С того времени мы существуем на базе ЦК «Урал». Прежде всего, нам интересен синтез современного танца и других видов искусств: есть проекты, связанные с немым кино, кукольным театром, спектакли, в которых задействованы актеры драматического театра. К слову, наша команда включает выпускников Школы Екатеринбургского Центра современного искусства, факультета современного танца Гуманитарного университета, Екатеринбургского государственного театрального института (специализации «Артист драматического театра и кино»). Детские спектакли — это новое для нас направление. Первый детский данс-спектакль «Муха-Цокотуха» появился в 2010 году, кстати, он тоже участвовал в фестивале «Браво!» и был отмечен специальным призом.

Как возникла идея постановки данс-спектакля «Алиса»?

Идея «Алисы» — второго спектакля для детей — родилась в связи с тем, что, во-первых, предыдущий прошел «на ура», во-вторых, мы осознали, что детская аудитория — это благодатная почва. Когда играешь для них с полной отдачей, то сам заряжаешься энергией и получаешь невероятное удовольствие. Мы решили адаптировать два произведения Л. Кэрролла — «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» — для маленьких детей, потому что даже взрослому человеку порой сложно до конца понять все, что заложено

но автором в этих сказках. И написали на их основе сценарий, в котором главное — доброта, искренность ребенка. Ребенка, который открыт всему миру, который учится не бояться и верит в чудеса... Зная, что дети моментально реагируют на развитие новейших технологий, пришлось удивлять, используя в спектакле экраны, 3D-проекции, анимацию, яркие цвета.

Кто создавал сценарий?

Дарья Большакова (актриса Екатеринбургского театра юного зрителя и наша танцовщица) и Ирина Фридрих. Вообще же хочу сказать, что в нашем коллективе нет ведущих и ведомых, есть ответственные. Каждый человек нашей команды вносит огромный

Дарья Большакова — Алиса, Анна Еременко — Мартковский Заяц

вклад в создание спектакля. Мы самостоятельно создаем костюмы, декорации. Наша работа — это сотворчество. И то, что вы сегодня увидели — результат больших усилий каждого участника.

Чем запомнился уходящий сезон?

В прошлом году мы работали с режиссером-хореографом Ксенией Петренко из Санкт-Петербурга над спек-

таклем «Переезд» (по мотивам драмы Чехова «Три сестры»). Вновь сыграли «Шинель» (проект 2010 года, режиссер Кирилл Клевец, хореограф Ольга Романова) на сцене театра балета «Щелкунчик», «Муху-Цокотуху». Очень рады, что спектакль «Алиса» попал в афишу театрального фестиваля «Браво!».

Намечены ли новые проекты к следующему сезону?

Да, сейчас мы работаем над следующим детским спектаклем. Если изначально компания создавалась в рамках contemporary dance, то сейчас мы поняли, что этим ограничиваться не будем. Плюс стимулирует такой отклик детской публики (зачастую дети приходят на наш спектакль неоднократно, как на мультфильм, готовы пересматривать снова и снова).

Что кроется в названии «2046»?

Конкретного зашифрованного смысла в этом названии нет. Однако есть простор для размышления. Быть может, это год в будущем, а значит, стремление вперед. И нам нравится, что каждый находит в этих цифрах свое. Например, для одной из танцовщиц — это символ дома (ее адрес включает д. 20, кв. 46!). И таких неслучайных историй достаточно много! Создававшееся изначально как нечто абстрактное, название коллектива обрело свою историю, свое внутреннее наполнение.

Подготовила Яна Ферран

«Душу отдаешь и наслаждаешься»

Неотъемлемой частью спектакля «Мир тишины» Краснотурьинского театра кукол стали аплодисменты и смех зрителей: дети и взрослые радовались вместе. История о девочке, которая до того любила виртуальный мир, что нечаянно окунулась в него с головой, становится все актуальнее с каждым днем. Алевтина Короткова и Станислав Белецкий, актеры, исполнившие в спектакле по несколько ролей, рассказали, как получают удовольствие от работы и где искать магию куклы.

Только ступив на порог гримерки, спрашиваем артистов:

— Что привело вас в театр кукол?

Алевтина, не задумываясь, отвечает:

— Случайность. Не поступила в один ВУЗ, потом пошла в театральный. Туда поступила и... втянулась. С кайфом и с удовольствием. Отучилась в училище, потом поступила в Петербургскую академию театрального искусства.

— А моя мама актриса кукольного театра, поэтому пошел по ее стопам, — Станислав после спектакля еще не стер грим, высоко поднятые брови делают его одновременно радостным и грустным.

— У вас есть любимая кукла?

— Я уже об этом думала — было многих таких вопросов. Все-таки наверно нет, качает головой актриса. — Сейчас еще мода идет не использовать куклы в кукольных спектаклях. Все почему-то отходит от гапитно-тростевой, а я ее сторонник. Она и есть сам кукольный театр.

— Магию куклы ты имеешь в виду? — понимающе спрашивает Станислав.

— Да. Все пропускаешь через себя, через руку — это выходит в куклу. И как раз не видно актера. Я считаю, что когда меня не видно, а видно только куклу — получается настоящая сказка.

— Над «Миром тишины» вы работали с петербургским режиссером Тиграном Сааковым...

— Это совершенно другого склада

человек. Даже не знаю, как это словами выразить, но это было...

— ... удовольствие, — подхватывает Стас. — Мы получали удовольствие, и он.

— Для нас многое было совершенно новым: мимы, спектакль без слов и весь в движении.

У Тиграна есть в Петербурге такой же спектакль, только без проектора — он на нас все это пробовал. Режиссер молодец. Молодой, перспективный. Художник тоже из Санкт-Петербурга. Оба очень творческие. У них свой интеграционный театр, где практически все спектакли направлены на детей с отклонениями. Также и «Мир тишины» направлен на особых детишек, слабослышащих. Именно на это настроен проект. Но и простые детки тоже хорошо смотрят. Родители довольны, что затронута тема всяких гаджетов. Часто бывает, что ребенка невозможно от этого оторвать. Спектакль может быть даже больше для родителей, чтобы они задумались. Мы слышали бурное обсуждение после спектакля, зрители говорят: «Это же беда наших детей».

Стас согласно кивает:

— Мне нравится в этом спектакле, что приходит ребенок и понимает его со своей точки зрения. А родитель сидит рядом с ним и видит свою.

— Как вы считаете, почему взрослых привлекает кукольный театр?

Сцена из спектакля «Мир тишины»

Алевтина отвечает:

— Мы же все в душе дети, родили ляльку, воспитываем, а сами-то мы еще... Я, например, считаю, что я еще ребенок. Мы в куклы играем до старости лет. У меня мама приходит на спектакль и получает огромное удовольствие. Попадаешь в параллельный мир. Не эта реальность, которая жестокая и страшная. Здесь — душу отдаешь и наслаждаешься.

Автор репортажа: Сабрина Карабаева

Искусство игры

«OperaHouse» — это совершенно необычный спектакль, одновременно изысканный и абсолютно свободный. Здесь действие лишено границ: оркестр и танцоры меняются местами, дирижер подхватывает арию оперного певца и так же свободно выражает себя в движении, как и танцовщица, которые, в свою очередь, пробуют занять места музыкантов оркестра. Удивительным образом происходящее дает полную свободу интерпретации смысла и, при этом, не вызывает ощущения хаоса. Секрет — в таланте, мастерстве и взаимопонимании, которое сложилось между тремя авторами постановки.

Александр Гурвич, хореограф-постановщик, руководитель танцевальной компании Гуманитарного университета «Окоём»

Как именно вы оказались все вместе?

Мы вместе работали над постановкой оперы «Дидона и Эней» — там и возникла идея собраться вместе и сделать нечто иное, чем какие-то классические вещи. Спектакль полностью возник в процессе совместной работы: Яне принадлежала основная музыкальная концепция, Алексей предложил те арии, которые хотел ис-

полнить, мне же было интересно вплести современный танец в ритмы и мелодии барочной музыки. Каждый выразил то, что хотел сделать и наши интересы замечательным образом совпали. Кстати, современный танец идеально ложится на барочную музыку!

Стирание границ, когда каждый артист на сцене может делать разные вещи, — это тенденция?

С этим всегда интересно работать, материал получается более объемным. Конечно, стирание границ — это не екатеринбургская тенденция, первыми это стали делать Европа и Америка. В нашей стране, в нашем городе, это продолжается с некоторым опозданием, но зачастую принимает даже более интересные формы, чем на Западе. Все циклично: синтез искусства уже суще-

ствовал в истории, то есть, это и не изобретение нашего времени. Идея синтеза искусств витает в воздухе и бывают моменты, когда просто все удачно складывается для подобного эксперимента — как у нас. И все-таки, каждый вид искусства продолжает существовать отдельно.

Планируете еще собраться вместе для нового проекта?

Да, мы бы хотели! Посмотрим, как сложатся обстоятельства — в том числе и финансовые. Конечно, это все не очень просто: «Operahouse» был создан на чистом энтузиазме, никто нас не поддерживал, впрочем, мы, в общем-то, ни к кому и не обращались. Не прерывая свою основную деятельность, мы просто скооперировались — и сделали спектакль.

Яна Анненкова, создатель и дирижер камерного оркестра «Harmonia caelestis»

У вас в этой постановке дирижер получился необычный: танцующий, поющий, гуляющий по сцене... Профессиональный оркестр технически может сыграть четко без руководителя, но в чем, все-таки, его особая роль и задача?

Камерный оркестр высокого профессионального качества может сыграть без дирижера. Но без него все-таки намного сложнее: нужен человек, который объединит музыкантов, у каждого из которых свое слышание, понимание исполняемой музыки.

Дирижер должен предложить свою интерпретацию, убедить в ней, вдохновить и вести за собой! Без лидера никак, ни в одной сфере жизни.

Музыка в спектакле рассказывает целую историю. Как именно вы ее подбирали?

В основном, музыку подбирала я, а также Алексей предложил несколько арий. Что-то мы с оркестром разучили специально, что-то уже исполняли на своих концертах. Непросто было выстроить музыку драматургически, потому что она абсолютно разная. Ведь нельзя, чтобы это были просто отдельные отрывки, они обязательно должны были сложиться в единую форму. Мы слушали, думали и, в итоге, Александр принял мою концепцию. Этот спектакль вообще представляет большое пространство для интерпретаций, каждый из нас видит что-то свое и многие зрители после показа рассказывали нам совершенно удивительные вещи, а мы их вовсе не закладывали специально. И это очень хо-

рошо! Свое дело мы сделали: выпустили спектакль, и он работает. Работает энергетически, нажимает на струнки души, имеет отклик, значит, все получилось удачно — мы попали!

Понравилось танцевать вместе с ребятами из «Окоема»?

Очень! Я такой человек — я все люблю. И петь, и танцевать, играть на инструментах и дирижировать, — мне все интересно. Жизнь очень короткая и нужно все попробовать, не замыкаться на чем-то одном. Я практически так же и на концертах дирижирую. Ну, конечно, там стараюсь себя более-менее держать в рамках, а здесь — театр, здесь все можно. Не люблю скучные концерты, где дирижер выходит во фраке с умным видом и начинает уныло махать палочкой. Жизнь — это радость, это праздник, шоу! А дирижер — тоже артист.

Алексей Петров, солист Свердловской филармонии, приглашенный солист Екатеринбургского театра оперы и балета, солист Камерного театра Музея писателей Урала, преподаватель по вокалу

Алексей Петров и Александр Гурвич в спектакле «Operahouse». Фото: Илья Компанец

У вашего персонажа постоянно возникают на сцене разные отношения, взаимодействия — то с танцующими, то с дирижером. Что происходит в этих историях?

Прелесть этого спектакля в том, что каждый может увидеть в нем что-то свое. Суть взаимоотношений в действиях между артистами — это конфликт. На конфликтах построена наша жизнь, будь они положи-

тельные или отрицательные — это столкновение двух сущностей, двух противоречий, совместимых или не совместимых вещей. И каким бы этот конфликт ни был, он нас меняет. Очень часто, после просмотра фильма или прочтения книги, я замечая, что у меня изменился взгляд на мир. Я очень надеюсь, что после этого спектакля у зрителей разрешится какой-то внутренний конфликт или конфликт с окружающим миром.

Ваше небольшое танцевальное соло вы придумали сами?

Честно говоря, это каждый раз абсолютный экспромт: что мне взбредет в голову, то и вытворяю на сцене. Во

время репетиции Александр меня спросил: «Леша, а ты можешь здесь станцевать?» Я ответил: «Да!» Потом долго уговаривал его как-то подействовать в развитии моих хорео-

графических навыков. Говорил ему: «Надо поставить этот танец», он отвечал: «Да, поставим!» И все. Не поставили. Просто танцую!

Подготовила Евгения Плясунова

Театр кукол для меня — это всё

Нижнетагильский театр кукол привез в Екатеринбург сказку «Невезучая курица» реж. С. Дорожко. Мы поговорили с актером — исполнителем ролей чародея, курицы, палача, короля и др. — Романом Брилёвым.

Как вы отнеслись к тексту Фаллады, когда первый раз его прочитали?

Ну, действительно, он очень необычный, особенно для нас. Сказка европейская, и некоторые вещи в ней могут, как мне кажется, шокировать зрителя. Когда курицу расчлняют, например... Но, когда ты смотришь историю целиком, становится понятно, что никакого зла нет, и все сделано как шутка. А в тексте ведь сразу все не видно. Очень многое, тем более в театре кукол, зависит от задумок режиссера.

Как вам работало со Светланой Дорожкой?

Очень интересно. В Тагиле у нас никогда такого спектакля не было. Наш

театр долгое время находился в застое. Из актеров большинство принадлежало к старшему поколению «за пятьдесят», поэтому еще студентами взяли нас, начали обновлять кровь. До сих пор в театре играют спектакли, поставленные в восьмидесятых годах, причем теми же куклами. И раньше в спектаклях было нормально использовать только один тип кукол: либо тростевые, либо планшетные. А в «Невезучей курице» много стилей собрано. Я, например, впервые одновременно работаю двумя разными куклами, и у меня между ними диалог идет — нужно на разные голоса говорить. Для работы это сложный спектакль. Персонажей много, а актеров всего трое. Сначала одной куклой играешь, потом другой, потом сам на сцену выходишь, где-то помогаешь — все бурлит и кипит. Очень сложно, но интересно. Это совершенно другой уровень режиссуры. Вот и на «Браво» нас взяли.

А вы осознанно пошли учиться на актера театра кукол?

Вообще поступал на драму и даже там проучился пару лет. Но из-за проблем мне предложили перевестись в кукольники. Я сначала вообще не понимал, где я нахо-

жусь и что делаю. Но потом настолько полюбил все это дело, безумно причем, что теперь мне и драма никакая не нужна. Театр кукол для меня — это всё теперь.

За что полюбили?

За то, что я могу быть разным. Я могу быть и маленькой мышкой, и привидением, и старичком, и ребенком. Театр драмы такого не может дать. — И всегда весело играть такие сказочные истории. И сам процесс, когда у тебя в руках оживает кукла, это что-то мистически-завораживающее для меня.

Иногда бывает, что куклы не слушаются. Как ты ни стараешься, они не будут с тобой работать. Бывает, что кукла отказывается работать, если берешь ее после другого актера. Но во время репетиций привыкаешь, и все начинает получаться.

Кто у вас любимый персонаж в этом спектакле?

Курица, конечно. Она глупая, невезучая, но очень забавная. Мы даже в Тагиле интервью давали с ней. Хотели у меня брать, а я предложил, чтобы курица говорила, как будто она актриса из театра.

Подготовила Инна Афанасьева

Над выпуском работали: Яна Ферран, Инна Афанасьева, Сабрина Карабаева, Анастасия Кошелева, Евгения Плясунова.

Фото из архива театра Краснотурьинского театра кукол, Нижнетагильского театра кукол, Танцевальной компании «2046», ЕГТИ, личного архива Надежды Таршис, Марины Корнаковой, Романа Бородина.

УЧРЕДИТЕЛИ ФЕСТИВАЛЯ

Министерство культуры Свердловской области

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗАВОДОВ

ФИНПРОМКО

АССОЦИАЦИЯ ТЕАТРОВ УРАЛА

ПАРТНЕРЫ ФЕСТИВАЛЯ

apelcin.ru
мы знаем о культуре все

